

ОТЗЫВ

Официального оппонента о диссертации

Григорьевой Кристины Александровны

**«Автобиографическая трилогия Дж.М. Кутзее: жанровое своеобразие»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук по специальности 10.01.03. – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)**

В центре предлагаемого исследования – автобиографическая трилогия южноафриканского писателя Джона Кутзее, творчество которого долго оставалось вне поля зрения отечественной филологии. Данная работа одна из восьми в российском литературоведении, обратившихся к нобелевскому лауреату, тогда как в библиографии указывается 174 англоязычные работы, первые из которых появились ещё в 70-е гг. прошлого столетия, а одна из последних, не вошедшая в список литературы, - выполненное в 2013 г. диссертационное исследование современного британского писателя Алекса Престона «Жестокость и современный роман: Кутзее и Себальд». Несомненно то, что диссертация Григорьевой К. восполняет лакуну, имеющуюся в области изучения современной зарубежной литературы, что определяет актуальность её работы.

Тема памяти и жизнеописания уже давно живёт в постмодернистской литературе и вызывает устойчивый интерес у современных писателей. Автобиография, где, казалось бы, автор имеет возможность быть предельно точным и правдивым, говоря о своей жизни, оказывается на поверку не менее вымышленной, фиктивной, чем обычное литературное произведение. Об этом много размышляли такие авторы, как Дж. Барнс и М. Эймис. В романах «Англия, Англия» (1998) и «Чувство конца» (2011) Барнс выражает мучительное ощущение того, что человек не может целиком и достоверно воспроизвести свои воспоминания о прошлом. Более того, реконструкция прошлого предполагает немалую долю вымысла, часто бессознательного. Кутзее, как показывает данная работа, также обратился к этим открытиям постмодернистского сознания и при создании автобиографии обратил постмодернистскую неуверенность в стиль своего письма.

Научная ценность и новизна настоящего исследования состоит в описании и анализе того, как «компоненты автобиографического содержания» сплетаются с «романной повествовательной формой», именно этот синтез документального и вымышленного определяет жанровое своеобразие трилогии Кутзее. Григорьева К. последовательно и умело раскрывает механику подобного соединения, что позволяет оценить оригинальность писателя, а также выявить специфические черты постмодернистской автобиографии.

В исследовании есть несколько важных аспектов: 1) показ развития и трансформации автобиографического канона в трилогии Кутзее; 2) анализ истоков тем жестокости, насилия, проходящих через другие произведения Кутзее и, более того, образующих идейную и

тематическую ось, практически, всей его прозы; 3) рефлексия Кутзее на тему правды/истинности в автобиографическом произведении.

Григорьева К. всесторонне рассматривает специфическую позицию Кутзее относительно откровенности в искусстве, а именно, его скепсис и убеждение, что откровенность не то, чтобы невозможна, а деструктивна. В современной русской литературе существует иная позиция: скажем, в творчестве Марины Вишневецкой или Антона Понизовского утверждается возможность откровенного высказывания, оно рассматривается, как ценность. Более того, эти авторы предпочитают употреблять такой термин, как исповедальность, - термин, не используемый в западном литературоведении, насколько можно судить по настоящему исследованию. Тема исповеди возникает обычно в связи с “Les Confessions” Ж.-Ж. Руссо, и тем интересней наблюдать отношение западных критиков и литераторов к этой проблеме, что позволяет сделать данная диссертация. Чётко и умело проанализирован подход Кутзее к повествовательной технике, его стремление дистанцироваться от героя, который есть он сам, посмотреть на себя со стороны. Многоплановость, многослойность и расщепленность автобиографического субъекта представлена в диссертации во всех подробностях и на всех уровнях: личностном, социальном. Особую значимость для понимания постмодернистского письма приобретает составная, комбинированная природа повествующего о себе героя, который составлен из собственно автора – писателя Кутзее, протагониста, мальчика – юноши – молодого человека Джона Кутзее, и повествователя.

В ходе анализа детских страхов и взаимоотношений с родителями, описанных в первой части трилогии, Григорьева К. убедительно показывает истоки темы страха перед унижением, позором, бесчестьем, связанных в сознании мальчика с обнаружением своего подлинного «я» перед другими, - темы, легшей в основу романа «Бесчестье» (с. 59) и других книг Кутзее. Тот факт, что пристальный анализ автобиографии, его первой части «Детство», открывает, подобно ключу, двери к пониманию творчества Кутзее, к проблематике жестокости, страдания и смерти, проходящей тёмной полосой через его романы (с. 73), является важной заслугой автора диссертации.

Важнейший аспект исследования – заявка на дискуссию с точкой зрения Р. Кьюсека, исследователя творчества Кутзее, который утверждает, что трилогия Кутзее – пародия на автобиографию. Григорьева утверждает, что «это не пародия, а очередной шаг на пути пересмотра потенциала автобиографического жанра» (с.86). К сожалению, данная мысль высказывается лишь однажды, было бы интересно развить и провести эту концепцию через всё исследование, сделать её осью работы. Это сделало бы анализ более глубоким и острым и позволило бы точнее определить место Кутзее, сторонящегося всяческих дефиниций и закрытого от постороннего интереса, в постмодернистской литературе.

Следующий существенный аспект диссертации касается интертекстуальности. Проблема литературных аллюзий естественно возникает в связи с подзаголовком «Сцены из провинциальной жизни», сопровождающим все части трилогии, и отдельными названиями частей «Детство», «Юность», а также эпитафиями из Гёте во второй части. Григорьева посвящает интертекстуальной проблематике отдельный раздел «Литературные аллюзии в Юности как разнонаправленные жанровые маркеры», где она раскрывает влияния иных сил, иных авторов на южноафриканского писателя, таких как Толстой, Гёте, Конрад и Джойс.

Исследовательница не упускает сказать и о более опосредованном влиянии со стороны Т.С. Элиота, Ф. Кафки, Э. Паунда, Уильяма Хэнли и Р. Л. Стивенсона, что дополняет и расширяет представление о том, как устроена система ориентиров, «жанровых маркёров» в трилогии. Интересной представляется высказывание Григоровой К. о том, что обращение к Гёте и Джойсу указывает на присутствие вымысла в автобиографии, тогда как аллюзии на Толстого и Конрада подчеркивают связь текстов с реальными событиями (с. 90).

Не менее существенным представляется интертекстуальный слой, связанный с подзаголовком. Рядом с подробным анализом аллюзий в части «Юность» скупая ссылка на Бальзака и Дж. Элиот кажется недостаточной. Исследовательница ограничивается фразой: «Эта аллюзия исполняет функцию ориентации читательского восприятия «Детства» как литературы художественного вымысла» (с. 42), тогда как подзаголовок относится ко всем частям трилогии и, видимо, несет в себе больше смыслов, нежели показано в исследовании. В анализе «Юности» отсылка к провинциальной жизни вскользь трактуется как указание на провинциализм главного героя, приехавшего в мегаполис, на его статус колониального субъекта (с. 98). Не хватает каких-то связующих мыслей между сферой эпических полотен провинциальной жизни у европейских классиков и сферой постколониального сознания в трилогии.

В диссертации отмечается интересный парадокс: повествователь откровенно записывает свой интимный опыт, оговариваясь, что он хочет сохранить все подробности, связанные с интимной сферой, в тайне. Вместе с тем, он намеренно выпускает из автобиографии несколько решающих лет (с 12 до 15), когда в судьбе Кутзее произошли решающие события, определившие его дальнейший путь (первое знакомство с музыкой Баха, диссертация по Беккету, написанная в Америке). Эти события автор диссертации реконструирует по другим источникам, таким, как интервью и лекции Кутзее. Исследовательница выявляет элементы авторской игры с читателем и с конвенциями традиционной автобиографии - это очень интересный и существенный для проблематики исследования вопрос. Однако, Григорьева К. не идет дальше констатации факта, а хотелось бы услышать побольше о размышлениях автора относительно такого устройства автобиографии.

Это общее замечание к первой части работы: при том, что исследовательница несомненно является тонким и умным филологом, демонстрирует технику пристального чтения и глубокого анализа текста, там, где дается непосредственный анализ частей трилогии, ощущается нехватка независимых идей и собственной рефлексии. Автор начинает интересно думать и тут же обращается к филологическим тонкостям, к чужим мнениям и цитатам (например на сс. 38-39, 41, 45-48, 51).

На фоне первых разделов 1 главы, где автор чувствует себя неуверенно без ссылок на зарубежных исследователей творчества Кутзее особенно выгодно выделяется раздел «Эпифании в «Детстве»» (с. 73), содержащий собственные исследовательские размышления об элементах, позволяющих герою выживать в суровых условиях ЮАР эпохи апартеида. Григорьева К., опирается на понятие эпифании в трактовке Дж. Джойса применительно к его герою Стивену и прослеживает элементы светлого гармоничного состояния сознания, связанные с темой природы и первой детской любви.

Вывод, сделанный Григорьевой в конце второй главы, о синтезе двух жанровых разновидностей в «Юности» – постколониальной автобиографии и писательской автобиографией (с. 124) – представляется недостаточным. Остаётся не конца ясным, в чем состоит особенность постколониальной автобиографии, обладает ли она сама по себе какой-то жанровой спецификой.

Небольшое замечание касается перевода цитаты из Холмса Ричарда (с. 144) о Фрейте, в исследовании цитата переведена: «...Фрейд определил «культ героев» как следствие вытеснения жанром биографии желания обесценить величие, обнаружить «глиняные ноги» или «скелеты в шкафу» - неясно, тогда как в английском тексте смысл в том, что «жанру (авто)биографии свойственно преуменьшать роль положительных героев («культ героев») в судьбе биографического субъекта.

В целом же следует отметить очень хороший, профессиональный перевод цитат из англоязычной литературной критики, сделанный Григорьевой К. Можно только сожалеть, что она оставила непереуведенными цитируемые фрагменты из трилогии. Думается, что ей удалось бы это сделать не менее качественно. Учитывая немалый удельный вес цитирования Кутзеевского оригинала, чувствуется нехватка русского варианта автобиографии.

В главах II и III, посвященных анализу второй и третьей частей трилогии, Григорьева К. подробно разбирает ткань автобиографических романов, приводя многочисленные цитаты из текста, поясняя сюжет, комментируя действия персонажей. Столь пристальное и глубокое чтение имеет свои плюсы и минусы. Для нечитавшего трилогию столь подробный разбор будет ценен тем, что даст возможность довольно близко познакомиться с интересующей книгой. Отрадно видеть, что диссертантка сильно увлечена исследуемым материалом, совершенно погружена в него. Как следствие этой увлеченности в работе появляется описательность, иногда наблюдается некоторый недостаток отстраненного, исследовательского анализа и рефлексии.

Этот недостаток совершенно восполняет Заключение, где автор ясно, чётко и последовательно излагает выводы о том, как меняется жанр автобиографии в литературе XXI века. Нельзя не согласиться с утверждением Григорьевой о том, что несмотря на деконструкцию устоявшихся за предшествующие столетия представлений о личности, литературе и социуме и на мощное действие тенденций усреднения и унификации, современные большие писатели, такие как Кутзее, продолжают «имплицитно утверждать ценность литературы как способа максимального самовыражения личности в слове» (с. 180).

Очевидно, что высказанные выше замечания не затрагивают научной новизны и значимости представленной диссертации. Перед нами действительно научное глубокое и сложное исследование. Основное содержание диссертационной работы отражено в автореферате и публикациях по указанной теме. Диссертационное исследование Григорьевой Кристины Александровны является научно-квалифицированной работой, содержащей решение задачи, имеющей существенное значение для филологии. Диссертация отвечает п. 7 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК Минобрнауки России. Григорьева Кристина Александровна заслуживает научной степени кандидата филологических наук.

наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

06.04.2014

Кандидат филологический наук,

Старший преподаватель кафедры

иностраннных языков

Литературного института им. А.М. Горького

Муратова Я.Ю.